

Пусть прозвучит это «ванильно», но осень — самое лучшее время для чтения Маркеса. После такого рискованного утверждения можно ожидать что-нибудь про «магический реализм» в творчестве колумбийского писателя. Но оставим этот стереотип на совести постмодернистов!

Маркеса любят в нашей стране. Вернее сказать, любили, когда было популярно любить Маркеса. Его книги выходили большими тиражами, за публикацию брались разные издательства. Выбор произведений даже в книжных магазинах крохотных городков предлагался со-

лидный. А потом Маркес умер. Это был последний всплеск популярности к автору и, как я подозреваю, те редкие его книги, которые мы можем найти в продаже сегодня, это остатки той последней волны колумбийской культурной экспансии. Что ж, в домашней библиотеке практически каждого из нас наверняка что-нибудь да отыщется. Например, для меня первым знакомством с Маркесом стала именно книга, которую я одолжил у подруги, а та в свою очередь у других людей. Конечно, практика передачи чужих книг в третьи руки порочна, но в данном случае это была небольшая потеря — признайтесь, разве есть кто-то, кому хотелось перечитать хотя бы что-нибудь из Маркеса? Во-первых, чего ради? Можно взять новое для себя произведение Маркеса и обнаружить с тем же успехом и условность сюжетных линий, и тяжелый сезон дождей, вялость в действиях героев, и светлую писательскую грусть, переданную мастерски, свежо, талантливо. Ну и, во-вторых, все поэтому же.

Значит ли это, что стоит отнести Маркеса к «сезонным писателям»? Или он прошел испытание? Когда-то невероятно популярен стал «Властелин колец» (да, в тот момент, когда появилась та единственная форма, в которой многие были готовы воспринять это произведение). Впрочем, мода прошла, а книги остались. Примеров обратному масса в современной литературе. Попадает ли в эту массу Маркес? Есть автор Х, который видел в жизни некоторое дерьмо, утратил душевный покой, решил написать книгу. Получилось крепко и хорошо, не более того. Что происходит дальше? Просто запредельное восхищение солидных изданий, после которых обозревателя возвращает из восторженного обморока группа опытных медиков, а автор просыпается общепризнанным Человеком-Д'артаньяном, полу-Прометеем, полу-Данте. Параллельно запускается экранизация, главную роль играет самая желанная женщина Европы, использует страдание, чтобы страдать. Профит. И, как можно догадаться, это не путь Маркеса. Даже обнаружив глубоко трагичную и трогательную историю, он, написав роман, не остановится, продолжит творить, а не искать, кому бы продать сценарий. Он знает, что таких искалеченных судеб — сколько глаз хватит — до самого горизонта. И будет упорно писать про всех, ткать полное полотно. Место найдется и для стоящих у стены в ожидании расстрела, и для съеденных муравьями. Маркес продолжает работать (от слова «работать»!) с тем материалом, которого на его родине с избытком. Именно поэтому, открыв, скажем, книгу про полковника, который не создает особых проблем почтальонам, мы читаем про мириады других судеб, мы видим народ, который ищет себя, умывается кровью, ошибается, движется дальше. Перед нами произведения благородного и достойного человека. В своем благословенном труде Маркес обрел такие несказанно чудесные мгновения, как, например, резкий разворот автомобиля, мчащего семью на долгожданный отдых,

поскольку главе этой семьи (а он же водитель и классный писатель) наконец-то пришла в голову бесподобная строчка, с которой будет начинаться один из величайших романов двадцатого века. Потом романов, повестей и рассказов будет еще множество. Когда-то мне понравилась мысль, что слово «графомания» может употребляться если не в положительном, то хотя бы нейтральном ключе (как, кстати, и слово «чиновник»). Маркес писал так много, потому что чувствовал необходимость, не мог без этого. Все ли из написанного одинаково хорошо? Нет, не все, но мы будем большими свиньями, если не отдадим должное гению колумбийского мастера.

«Генерал в своем лабиринте» хоть и не входит в число «осенних» названий (как, например, «Палая листва» или «Осень патриарха»), но такое ощущение, что где-то в расфокусированном виде осень все же присутствует в заглавной строчке. Некоторые исследователи выделяют особый поджанр латиноамериканской литературы: Dictator novel*, и произведение сегодня нами вспоминаемое является прекрасным образцом этого направления. Читателям по эту сторону Атлантического океана далеко не так очевидна историческая значимость фигуры Боливар, да и в целом есть склонность объяснять волну освободительных революций в Южной Америке вторжением Наполеона в Испанию и последовавшим крушением империи, а не пассионарностью местных героев. Кстати говоря, параллели с корсиканцем будут неоднократно и неизбежно приходиться на ум. Этот нюанс оправдан как в историческом контексте, так и в рамках того самого жанра Dictator novel (диктаторов вечно сравнивают друг с другом), правда, Маркес, конечно, делает это очень деликатно, очень тонко, больше полагаясь на чувственное восприятие, чем знание какой-то конкретики. Окончательно мешает разобраться в исторической фигуре тот факт, что в романе Боливар стоит на пороге ухода в вечность. То есть это тот рубеж, когда уже нет смысла рассуждать на сколько процентов политика правильная, а на сколько преступная, есть смысл ставить клизму и только. К чему споры о том, удалась или не удалась жизнь? Если вы не являетесь сотрудником консульства в Карловых Варах, можете смело записывать себя во вторую категорию. Еще какое-то время можно держаться на иронии, чувственности, сумасшедшинке, но однажды и это рухнет. Тяжелые, тревожные сны, короткий световой день, безлюдные предзимние пейзажи — вот во что превращается наше существование.

Мы видим гаснущую жизнь великого лидера. И он близок нам в этом угасании, а не в аккуратно прописанной человечности. Взгляните

* Переведено с английского языка. — Роман о диктаторе — это жанр латиноамериканской литературы, который бросает вызов роли диктатора в латиноамериканском обществе. Тема каудильизма — режима харизматичного каудильо, политического деятеля, — рассматривается путем изучения отношений между властью, диктатурой и литературным трудом. [Википедия \(Английский язык\)](#)

на себя, вернувшегося домой каким-нибудь ноябрьским вечером, когда вместе с осенью входит в дома разруха, кажется, что дождь пролился прямо на кухне, стучал тяжелыми каплями по стоячей грязной ледяной жиже, скопившейся в брошенной посуде. Ты глядел отрешенно и брезгливо, словно это не твое жилище, и ты не хозяин ничему здесь. Полное страданий (суть само страдание) возвращение домой, наконец, завершилось: прервалась бесконечная череда пересадок, и теперь ты в nirване постели, раскинув члены, лежишь, подобен танке. Это и есть nirвана — вроде ты здесь, а вроде бы и нет, ничего не хочешь, голова пуста. Тебя совершенно не волнуют доносящиеся из-за стены звуки передвигаемой мебели и взаимные обвинения в духе:

— Ты мне всю жизнь отравил! Ненавижу тебя!

— А ты отравила мне еду!

«Генерал...» будет важной книгой для всех, кто понял, что жизнь прервется не на дуэли, а с приходом воспаленного рассвета, после утомительного плутания по никуда не ведущим путям, в окружении погружающегося в нищету населения, случайных женщин, непонятных и сомнительных спутников, болезней. Или кто не понял, но, во всяком случае, готов и к такому раскладу. Стены лабиринта, строившиеся на протяжении всей жизни из неразрешенных вопросов, сторонних связей, невыполненных обещаний, скрепленные раствором пережитого и перепробованного встают, к сожалению, не только перед великими историческими деятелями. Впрочем, до этого тоже еще надо дожить. А пока мы читаем книгу и постоянно обнаруживаем себя опоздавшими, сцена уже завершилась, мы опять вынуждены догонять генерала.

Особенное наслаждение читать описание таких второстепенных персонажей, как ирландский полковник (нет, это не тот самый, этому пишут). Зброшенному в латиноамериканскую глухомань, ему ничего больше не осталось, кроме как проверять ночные караулы. Каждый из этих с любовью прописанных образов — новые повороты лабиринта. В то же время нельзя избавиться от ощущения, что Маркес пишет роман словно бы одной рукой. Но тут необходимо сделать оговорку: есть несколько даже не страниц — абзацев, где нам открывается мощнейший творец, чей талант повергает в некоторую оторопь и какой-то сладостный ужас. Маркес — великий мастер, пусть и несколько расслаблен на страницах этого произведения. Это отвечает замыслу романа — речь идет не про блестящие победы, а про разбитого многими скорбями старика, слоняющегося по феерической дыре. Нам как обывателям, как историкам, как читателям интереснее то величие, которое не пожелало себя проявить.

Тут мы найдем и размышление над ролью личности в истории. Можно ли повлиять на историю? Вот великий Боливар попытался и умер. И что это за наука? Как ее проверить? Чем измерять? Мы пони-

маем, когда яблоко падает, а тут что должно падать? Не буду лукавить — ответа «Генерал...» не даст, но не задавать глупых вопросов научит.

И раз уж заговорили. Не секрет, что во многих странах жанр Dictator novel будет очень долгое время сохранять свою актуальность. Школа литературы аналогичного направления, конечно, существует и в нашей стране, правда, корни имеет совершенно отличные от прозы Маркеса. Человечество, видимо, всегда будет в восторге от идеи Большого брата. И это объяснимо: интеллектуальная свобода лишь на миг делает тебя счастливым. Жить, когда уже знаешь, что все идеи, выдававшиеся за великие, по сути ничтожны, бывает невыносимо. Некоторым лучше сжечь пару книг и помаршировать с факелами, чтобы затем оказаться в отеческих объятиях лидера, который с тебя снимет груз вопросов, на которые не найти однозначного ответа. Чем может быть полезна эта маленькая книжка в такой масштабной теме? Бродский писал про соотношение свободы и способности вспомнить отчество у тирана. В «Генерале...» отчество будет практически на каждой странице, забыть его не дадут. Впрочем, никто и не пытается: в книге окружение Боливара защищает диктатора от нападок персонажей-врагов, не появляющихся в повествовании во плоти, в жизни образ Боливара будет вспоминать и отстаивать заведующий хозяйством, когда его просят заменить вещь, на которой стоит отметка «потрачено», автомобилист, которого раздражают темпы строительства развязки, главный редактор газеты (кстати, не ясно почему, во всяком случае, чтобы другие тоже вспоминали), наконец, простые ирландские патриоты — и не важно, что Боливар не ирландец — ведь ирландский-то полковник служил ему. Это не только тоска по режиму человека, который знает ответы на все вопросы. Это важнее и глубже — это мифология! Маркес, конечно, нарушает табу (и мифологическое, и каноническое, так сказать «парадно-портретное»), изображая диктатора разбитым болезнью, умирающим, обнаженным, но это детали. Самое главное, что диктатор вошел в вечность, хоть из лабиринта своего так и не выбрался. Может быть, он хотел в рай, но попал в мифологию. В этом ключе «Генерал...» важнее даже классического «Сто лет одиночества», хотя это яркий пример новой мифологии, нового эпоса — и захватывает, и читать можно, начиная с любой страницы, и миллион персонажей, и все страдают — все как мы любим. Но именно с выходом «Генерала...» Боливар стал частью мифологии, а оттуда уже нет возврата. Но есть «естественные причины» — и они ограничивают жизнь даже мифического персонажа. Так в чем была цель? Кто победил? Упало ли яблоко? Счастье — это не творить историю, а смотреть на бюст Боливара во внутреннем дворике Библиотеки иностранной литературы, на безопасном расстоянии.